



Времена...

В эти дни и часы я услышал столько добрых слов — больше, чем за всю жизнь. Как теоретик литературы знаю, что такое законы жанра: «На юбилеях льют елей. Затем и нужен юбилей». Понимаю: не всего сказанного заслуживаю. Многие отражает не столько мои свойства, сколько ваши качества — щедрость и доброту ваших душ.

Оказывается, для того, чтобы на тебя обрушился обвал похвал, нужно прожить 90 лет. Коль так, то я не прочь дожить до какого-нибудь следующего юбилея.

Ищу слова благодарности всем добрым коллегам и близким людям — и в богатейшем и прекраснейшем русском языке не нахожу слов, соответствующих моим чувствам. Слов не хватает... Может быть, выручит жест.. Низко кланяюсь вам, мои дорогие, добрые и щедрые люди.

*Жизнь моя! Иль ты приснилась
мне?*

С. Есенин

Мемуары как всякий мыслительный продукт — по Ингардену — обмысленный факт. Феноменализм прав, в мемуарах не может быть текстов без субъективности.

Мне есть что вспомнить. Вся послевоенная русская поэзия — или мои соученики, или мои соседи, или близкие приятели. В мемуарах взаимодействуют личное, субъективное и документальное. Горький сказал как-то по поводу созданного в произведении образа известного деятеля: «Должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет».

* * *

И.Г. Эренбург опубликовал мемуары «Люди, годы, жизнь». В середине 60-х гг. в прессе критика обвинила эти воспоминания в субъективизме и искажении исторической правды. В Доме ученых состоялось обсуждение этой книги Ильи Григорьевича. Заседание вел академик (фамилии не помню; историк, автор учебника по истории СССР). Докладчиком был я. После моего доклада выступил Эренбург.

На встрече академического бомонда с автором мемуаров «Люди, годы, жизнь» Эренбургом я познакомился с одним из героев этой книги. Он работал пресс-атташе в Париже во время немецкой оккупации. Обозревая и анализируя немецкие газеты, этот дипломат в марте-апреле 1941 г. пришел к выводу: немцы готовятся к нападению на Россию. Он написал об этом Сталину. Вскоре его отозвали в Москву. Здесь он оказался в подвешенном состоянии. Он приходил на работу, но там ему не давали никаких поручений. Он сидел в своем кабинете, отстраненный от работы. Благо, получал зарплату. Все это было дурным предзнаменованием. В июне немцы напали на нашу страну. И когда в октябре сорок первого они были под Москвой, дипломата арестовали и предъявили ему фантазмагорическое обвинение: стремление поссорить Советский Союз с дружественной Германией. Карательный механизм сработал с задержкой, но с неумолимостью. Дипломат получил десять лет и был отправлен в лагерь. Этот рассказ спокойного, уравновешенного человека, просидевшего многие годы в лагере за стремление обезопасить страну, потряс ко всему привыкшую

академическую аудиторию. Выступлению этого человека долго аплодировали.

Эренбург возражал против некоторых положений моего доклада. Он не был согласен с моим утверждением, что без воспоминаний нельзя представить себе историю XX в. Видимо, заостряя свою мысль против критики, которая требовала от мемуаров точных исторических свидетельств, лишенных субъективности. Эренбург отрицал документальное значение мемуарных воспоминаний. Он приводил два примера:

- 1) Хрущев говорил ему, что Сталин руководил фронтом по глобусу. А Жуков говорил ему, что Сталин умел и любил работать с картой и по карте. Как было на самом деле, нельзя узнать из мемуаров. У Сталина по этому поводу был парадокс: «Врут, как очевидцы».
- 2) И. Эренбург говорил: «Мне Бухарин рассказывал, что все очень разные члены Политбюро (Зиновьев, Каменев, Бухарин, Сталин), которые позже будут убивать друг друга, вопреки слезам Крупской, вопреки коммунистической идеологии, вопреки русским традициям единогласно согласились на фараонское захоронение Ленина в Мавзолее. Никто сегодня не может объяснить, в чем тут дело».

Я самонадеянно сказал Илье Григорьевичу: «Это нетрудно объяснить. В начале 1924 г. руководство страной хотело найти в образе Ленина дополнительную опору своей еще не прочной власти».

Эренбург не принял мои объяснения.

Не согласился он и с моим утверждением, что в искусстве есть прогресс. Эренбург говорил:

— Я видел скульптуры Фидия, а из моего окна вижу Юрия Долгорукого. Если это прогресс, то я готов выброситься из моего окна. Что, Мольер прогресс по отношению к Шекспиру?! — вопрошал Илья Григорьевич. Я возражал:

— Сравнивать нужно не степени таланта, а видеть прогресс в типах художественного мышления. В XIX веке искусство научилось передавать поток сознания, увидело, что люди, как реки.

* * *

В 60–70-х гг. я преподавал на первом курсе Щукинского училища «Введение в эстетику», а на последнем курсе — «Эстетику».

И я завел такой обычай. На первом курсе в первый день занятий я спрашивал студентов: почему вы решили заниматься искусством? В чем смысл жизни? И записывал на магнитофон ответы. Каждый мог ответить в шутку и всерьез, кратко или распространенно, витиевато или просто. И прослушав эти ответы, я уже хорошо себе представлял, с кем имею дело.

На последнем курсе, на последнем занятии я вновь задавал эти же вопросы — записывал на магнитофон ответы, потом давал возможность прослушать запись ответов, которые были даны на первом курсе теми же студентами.

А среди высказывавшихся были молодые студенты и студентки, ныне ставшие известными, а кто-то и знаменитыми актерами и актрисами. Демидова, Смехов, Калягин, Арлазоров, Бурляев, Высоковский, Авшаров, Вертинская, Чурсина, Стеблов, Подколзин, Славина, Золотухин, Филатов. (Господи, это было так давно, что некоторых из моих тогдашних студентов уже нет в живых.) Высказывания моих бывших студентов о смысле жизни были бы сегодня очень интересны, особенно овеянные нынешними обаянием и имиджем этих актеров. Однако прошло с тех пор лет сорок, и при одном из моих переездов эта пленка пропала. Помню только некоторые ответы (хотя и не помню, какие из них кому принадлежат) и передаю их краткий смысл:

- Смысл жизни в карьере.
- В творчестве.
- В зрителе.
- В любви, в семье, в детях.
- В эстафете поколений.
- В искусстве.
- В доброте.
- В славе.

Как молоды мы были и какую чушь прелестную несли. И глядя из сегодняшнего рыночно-меркантильного времени, можно только восторгаться тем, что в смысл жизни тогдашних студентов советского театрального вуза не входили ни позолоченная яхта, ни приобретение футбольной команды, или загородной виллы, или «Мерседеса», или нефтяных вышек... Никто из этих ребят не был ни ханжой, ни аскетом, никто не был против зажиточной жизни. Но богатства материальные не были ни приоритетной ценностью, ни смыслом, ни целью жизни. И потому даже не упоминались.

Прослушав «взрослые» высказывания выпускников, я включал магнитофон, и мы все весело слушали запись «первокурсных» суждений тех же студентов о смысле жизни.

После этого я высказывал мою точку зрения, которая, как мне казалось, совпадала со многими суждениями студентов:

— Неверно жить только для себя. Неверно жить только для других. По-моему, нужно жить для себя, принося добро и другим. Неверен хунвейбиновский коллективизм и неверен экзистенциалистский эгоцентризм. Нужно быть личностью, вписанной в поток бытия коллектива, народа, человечества. Нужно брать от жизни все материальные и духовные ценности, доступные тебе. Обогащая свою жизнь, духовно обогащаясь. И нужно щедро отдавать людям все богатства, которыми ты располагаешь. Все дело только в том, чтобы «в итоге» отданного было больше, чем взятого.

В этой «игре» было много интересного, по крайней мере, для меня, мне казалось, и для студентов. По крайней мере, на первом курсе, получая ответы на мои внеучебные вопросы, я сразу же знакомился с сущностным составом студентов и получал полное представление о курсе. А прощаясь, мог понять, насколько студенты продвинулись в своем духовном росте.

Моя страна многое утратила от своего величия. Не следует забывать, что любимая игрушка русского ребенка — ванька-встанька.

* * *

Андрей Тарковский. Его отец Арсений Тарковский. Мы были очень хорошо знакомы, близко общались. Это были реально интеллигентные люди. Всегда на равных. Удивительной цельности и удивительного терпения. Андрей по отцу осетинский князь, и это — какая-то гордость и терпение. Его лишали возможности работать. У него нет ни одной ленты, ни одного кадра, в которых бы он не был уверен как гражданин, — и в этом смысле тоже он очень крупная личность.

Андрею первому я показал написанный мною сценарий фильма «Воскресший из живых». И это вообще был первый сценарий (начало 60-х), где Сталин изображен как человек очень противоречивый, неоднозначный. Герой, как мой отец, бежал из-под ареста и стал работать инженером. Целая приключенческая история. Потом начинается война, и там есть такая сцена: идет дивизия, бесконечная вереница рядов солдат, идущих к

фронту; зимняя пороша, идут по степи, и вдруг вдали что-то начинает мелькать. Все гадают, что это может быть? Планы укрупняются, и становится видно, что навстречу со стороны фронта тоже идет колонна. То ли наши отступают, то ли беженцы, эвакуированные. Камера панорамирует по колонне, фиксируется на людях с винтовками, которые идут по бокам колонны. Конвой... Ведут пленных? Потом оказывается, что это не пленные, люди в колонне наши, разная обувка-одежка. Политзаключенные? Кто-то из них хочет крикнуть, конвоиры пресекают, но делают это очень деликатно... Вдруг в колонне солдат начинается песня «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...», и она идет по рядам, как пламя. И перекидывается на встречную колонну. Заключенные подхватывают песню, конвоиры начинают ее гасить. И вдруг тоже начинают петь. Колонны встречаются — и расходятся. Это вписано в контекст сценария. Ромм сказал потом, что это лучшая сцена мирового кинематографа.

Так вот, первым, кому я показал, сценарий, был Андрей. Он похвалил и сказал: «Я знаю, как это ставить. Это нужно снимать, как кинохронику, и стилизовать под кинохронику, даже поцарапать чуть-чуть ленту, как притчу, библейский сюжет». Но нужно подождать, так как сейчас он работает над «Рублевым»... Я показал сценарий Андрею Кончаловскому, он сказал, что сможет этим заняться через год и, не спросив меня, отдал Ромму, а тот передал в объединение, которым руководил тогда. М.И. Ромму все нравилось, а эпизод со встречей колонн он хвалил, я бы сказал, неприлично высокими словами, но сценарий необходимо было провести через комиссию... Там был целый синклит людей, очень серьезных. И пошло обсуждение. В таком направлении: мы пропустить сейчас это не можем, потянем немного, ситуация может измениться... Это были хрущевские времена, все ждали демократизации. Потом пошла брежневская эпоха... потом началось «возвращение» Сталина... Над моим сценарием пытался работать Ильинский. Решил это ставить и играть роль Сталина. Он всегда хотел сыграть Сталина. Но нам не дали поставить. Ильинский так тосковал, что просил меня достать камеру и как-то снимать самим. Не получилось. Мой сценарий ходил по рукам, и меня из-за него приняли в Союз кинематографистов. Но фильм так никогда и не поставили.

* * *

Моя встреча с Ельциным. В сентябре 1986 г. я встретился с Борисом Николаевичем Ельциным. Тогда он был первым секретарем Московского горкома и, познакомившись с моей книгой «Эстетика», попытался использовать мои профессиональные знания для повышения эстетического качества продукции московских предприятий. В назначенный день утром позвонил помощник Бориса Николаевича и, извинившись, попросил передвинуть встречу на полчаса, так как в расписание дня вклинилась вьетнамская делегация. Такая несоветская предупредительность поразила меня. В назначенное мне время я явился в горком.

Ельцин вышел из-за стола и пожал мне руку. Расположились мы за длинным столом для совещаний. Минут сорок говорили о внедрении эстетики в производство, о необходимости организации союза дизайнеров, о синтезе инженерного и эстетического в образовании. Затем я сформулировал еще одну проблему: творческий потенциал Москвы много выше ее издательского потенциала. Да, согласился Борис Николаевич, но что же делать? Организовать самиздат, ответил я, и пояснил: нужно создать издательские кооперативы. «Какая простая мысль, почему она раньше никого не осенила?» — удивился мой собеседник. Пришлось сознаться, что не я придумал эту идею и что в двадцатых годах существовало только в Петрограде около двухсот, а в Москве — двести двадцать кооперативных издательств, и занимались этим Блок, Чуковский, Есенин, Мариенгоф и другие известные люди. Стремительно записав что-то, Борис Николаевич пообещал помочь осуществлению идеи кооперативных издательств, и мы попрощались.

После этого я еще встречался с товарищем Кавыршиным — работником промышленного отдела горкома, советовавшимся со мной, каким способом лучше внедрять разработанные мною предложения по промышленной эстетике. Но его, как истинного аппаратчика, главным образом интересовало, почему его шеф встречался со мной. Товарищ Кавыршин сильно охладил ко мне и моим идеям, когда понял, что я попал в поле делового внимания Ельцина как эстетик-профессионал и личные отношения нас не связывают.

Ельцин показался мне ярким и талантливым человеком, который стремится нравиться людям и делать добро. Популизм. Но он мне не мешает.

* * *

Министр культуры Екатерина Фурцева собрала совещание на тему «Состояние современной советской драматургии и улучшение репертуаров в советских театрах». На совещание были приглашены все крупные драматурги того времени: Арбузов, Штейн, Шатров, Мдивани и др.

Во вступительном слове Фурцева призвала драматургов высказать свое понимание путей дальнейшего развития советского театра. Драматурги в своих выступлениях говорили главным образом о том, что им уделяется недостаточное внимание, а между тем они могут своими пьесами обогатить современный театральный репертуар. Никто не ставил стратегических задач. Тогда я, человек новый в этой среде, начал развивать, как мне казалось, важную и новую тему. Незадолго до этого я опубликовал статью о драматургии Брехта, и мне казалось, что Брехт и его драматургия — это то, что может обогатить наш репертуар. Я говорил о том, что у нас существует большая традиция психологического театра, в частности, весь МХАТ опирается на эту традицию. Однако, помимо психологической драмы и системы Станиславского, в мировом искусстве существует традиция рационального, мыслительного театра, а также созданная еще Дидро, система актерского творчества. И я предложил начать хотя бы с постановок пьес Брехта, Фриша и других драматургов, делающих акцент на художественной концепции пьес. Фурцева пришла в восторг от высказанных мною предложений, назвала меня выдающимся теоретиком, предлагающим и открывающим новые пути советского театра, и вообще рассыпала массу комплиментов в мой адрес.

Когда Фурцева закончила свое восторженное выступление и села, воцарилось молчание. Оно длилось неестественно долго. Но потом стремительно вскочил Георгий Мдивани, который буквально завизжал: это империалистическая вылазка, нам хотят навязать чуждые традиции, так называемую интеллектуальную буржуазную драматургию. Это закроет дорогу для идейных советских произведений и заменит их второсортными буржуазными пьесами.

Мдивани старался дружить со мной, так как я заведовал отделом теории журнала «Театр», и рецензирование, оценки, а следовательно, репертуарная судьба многих советских пьес могла зависеть от меня. Мдивани очень почтительно и даже сервильно относился ко мне. Он всегда остро ощущал свою

материальную зависимость от количества постановок своих пьес. У него было даже присловие, которое он неоднократно произносил: «Закончил актуальную пьесу, она пойдет по стране, как чума». Молва же отвечала ему эпитафией «Искусству нужен Жорж Мдивани, как его ж... гвоздь в диване». Конечно, появление в репертуаре советских театров драматургии Брехта, что вскоре и случилось в театре Любимова, а затем и в других театрах, вытесняло посредственную драматургию Мдивани и лишало его больших гонораров. Почувствовав эту опасность, понимая далеко идущие последствия появления таких драматургов, как Брехт, Мдивани не выдержал и провизжал свою речь. Бледность покрыла лицо Фурцевой. Получалось, что она только что поддержала идеологически опасное выступление. Снова воцарилось молчание. Потом Фурцева поднялась и сказала: «Борев хотел навязать нам традиции буржуазной драматургии. Это возмутительно. Мы не должны поддаваться проискам идеологически невыдержанных критиков и теоретиков». Как смешно теперь все это вспоминать. А Брехт, как известно, триумфально вошел в жизнь и репертуар советского и российского театра.

* * *

Солженицына было решено изгнать из Советского Союза. Об этом уже было оповещение. Заместитель директора ИМЛИ Владимир Родионович Щербина написал от института письмо в поддержку мудрого решения партии о высылке Солженицына. При этом письмо должны были подписать сотрудники ИМЛИ, и в таком виде предполагалось опубликовать его в газете «Правда». Готово письмо было в 16 часов, когда кроме меня никого из сотрудников уже в институте не было. Меня пригласили в кабинет к Щербине. Но подписывать письмо против Солженицына я категорически не мог: уже в то время я был подписантом писем против травли писателей Даниэля и Синявского и против восстановления образа Сталина в жизни советского общества. И когда меня позвали к Щербине, я оставил свое пальто, свой портфель — и в мороз ушел из института. Щербина понял мой маневр, очень рассердился — несмотря на то, что относился ко мне хорошо, и на следующий день вызвал меня и резко отчитал. Я молчал и не оправдывался. И так все было ясно.

Расул Гамзатов в творчестве, в жизни и в легенде

I. Гамзатов в творчестве

Начало Великой Отечественной войны ознаменовано великой песней:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Говорят, что война не заканчивается, пока последний погибший на ней солдат не будет похоронен. Я скажу по-другому: война не заканчивается пока последний погибший на ней солдат не будет воспет и оплакан, пока его подвиг не будет возвеличен. И поэтому для меня война началась со знаменитой песни Лебедева-Кумача, а закончилась великой и знаменитой песней Расула Гамзатова «Журавли», написанной много позже 1945 года:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры, с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.
Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня.
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.

Не надо выпить все море, чтобы узнать, что оно соленое. Достаточно процитировать три строфы этих замечательных стихов, чтобы понять величие поэзии Расула Гамзатова. Какая слитность со своим народом и с его героями! Какой реквием по солдатам Отечественной войны!

Какой национальный колорит — души погибших героев отлетают в небо, как птицы!

Поэзия Гамзатова глубоко национальна, она дагестанская, кавказская, российская, она патриотична, общечеловечна и мудра.

II. Гамзатов в жизни

Настоящий горец. Восточный человек. Аварец. Настоящий гражданин России. Весельчак, жизнелюб и мудрец, любящий веселое и хмельное застолье. Он щедрый и гостеприимный человек. Лучший тамада Кавказа и его окрестностей. В искусстве «тамадизма» с ним мог бы соревноваться только грузинский поэт Георгий Леонидзе. Помню один из тостов, произнесенных Расулом в застолье за меня:

«Выпьем за Юру Борева. У него было много возможностей стать подлецом, но он ни разу не воспользовался этими возможностями».

Поговорить с Гамзатовым — это как выпить чистой родниковой воды в жару. Сколько житейской мудрости! Сколько метафизических философских суждений! Сколько остроумия!

III. Гамзатов в легенде

Значительная личность всегда легендарна. Де Голль, например, начинал нервничать, если о нем неделю не рассказывали легенд, анекдотов, не публиковали в газетах карикатур. В этих случаях генерал сетовал: «Я теряю популярность. Французский народ меня начинает забывать».

Расулу Гамзатову не приходилось сетовать. Такая личность, как он, не могла не стать легендой, не могла не обрести несмолкаемыми преданиями.

Я написал книгу «Из жизни звезд и метеоритов». Это собрание исторических анекдотов о писателях, художниках, артистах, ученых и других деятелях культуры. Там заслуженное место занимают легенды о Расуле Гамзатове. Вот некоторые из них.

* * *

Я с Расулом учился в Литературном институте. Нам повезло с учителями. Проф. Асмус, проф. Реформатский, проф. Шамбинаго, проф. Тимофеев, проф. Радциг.

Проф. Радциг так увлекался, читая курс античной литературы, что иногда переходил с русского языка на древнегреческий, особенно когда заговаривал о Гомере. Радциг, как и все наши профессора, был добр и либерален на экзаменах. Однажды сдавал Радцигу экзамен Расул Гамзатов. Отвечал на вопрос об «Илиаде» Гомера. Отвечал, прямо скажем, без блеска. Когда Расул запнул-

ся, Радциг, чтобы облегчить положение экзаменуемого, задал дополнительный вопрос:

- Скажите, а что было нарисовано на щите у Ахилла?
- Ай, профессор, не знаю, я читал, знал, но забыл.

Радциг расплакался. Ему стало жаль человека, который не знает такой красоты. Ведь на щите в концентрических кругах изображены сцены времен года, сельскохозяйственных работ и хоровод юношей и девушек. Расул, тоже со слезами на глазах, начал утешать его:

— Профессор, не плачьте, пожалуйста, я прочитаю, я выучу, я обязательно буду знать.

* * *

Ложная легенда: поэта сделали переводчики. Самые замечательные переводчики — мои друзья Яков Козловский, Наум Гребнев — никогда не считали, что это они создают из ничего поэзию, и всегда утверждали высокую художественность стихов Гамзатова. Да, аварский стих — стих без рифмы. Привычное для русского стиха звучание и рифму придали ему переводчики. Но это еще не значит, что они сделали поэзию Гамзатова.

Дагестанские ученые говорят, что Расул расширил и обогатил возможности аварского языка.

Высокая поэтичность прозы Расула («Мой Дагестан») — наглядное свидетельство его безусловной художественной одаренности.

Проза Гамзатова поэтична, по-восточному мудра, художественна и философична. «Мой Дагестан» — помимо прочего, это труд по проблемам эстетики. Я готов был бы стать оппонентом диссертации по эстетике на основе этой книги.

* * *

Многие высказывания Расула Гамзатова мудры и легендарны. Однажды он сказал: «Сижу в президиуме, а счастья нет в моей измученной душе!» Кто из лиц, удостоенных чести сидеть в президиуме, мог сказать такие пушкинские слова?! Только крупный поэт.

* * *

Надпись Расула Гамзатова на стене ресторана ЦДЛ:

Пить можно всем.
Необходимо только
Знать, где и с кем,
Когда, за что и сколько.

* * *

Яков Козловский перевел для «Нового мира» поэму Расула Гамзатова о Шамиле. Твардовский ответил Гамзатову письмом: поэма интересная, но плохо переведена — бывают и у хорошего переводчика неудачи. Узнав об этом, Козловский пришел к Твардовскому:

— Я согласен, перевод не получился, но поэма-то хорошая. Закажите перевод другому переводчику.

Твардовский ответил:

— Ну и хитрый же ты еврей, Яша! Ты же понимаешь, что дело не в переводе, а в том, что сейчас я не могу опубликовать эту поэму. Она слишком острая. А что я мог написать Расулу?

У Твардовского осталось перед Козловским чувство вины. Будучи уже смертельно больным, он прислал ему «Василия Теркина» с надписью: «Якову Козловскому не для чтения, а на память».

* * *

Содержание легенд — не обязательно правда. Поэтому никаких моральных претензий к Гамзатову быть не должно в связи со следующей легендой о нем.

Однажды Расул возвращался из Москвы и в дороге встретил красивую попутчицу. Самолет приземлился вечером. В Махачкале поэт и его спутница решили зайти в ресторан при центральной гостинице города и поужинать. Ужин сильно затянулся. Было много выпито. Ресторан закрывался. Расула и его спутницу вежливо попросили завершить трапезу. Было уже поздно. Такси не оказалось. Расул решил переночевать в гостинице. Администратор гостиницы была в растерянности и не знала, что делать. С одной стороны, знаменитый и великий Гамзатов просит номер до утра; с другой стороны, советские порядки не велят поселять в гостинице жителя из этого же города, да еще с человеком другого пола без штампа в паспорте. Ситуация патовая: как ни поступи — не сносить головы.

Администратор подняла с постели директора гостиницы товарища Цинципера. Бедный перепуганный еврей, товарищ Цинципер спросонья никак не мог понять, чего от него хотят и как ему поступить. Он срочно приехал. Как всякий бюрократ, Цинципер на всякий случай отказал. Он решил, что ответственность за несовершенное действие всегда меньше, чем за совершенное!

Гамзатов возмущался:

— Я сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса, я и сам народный поэт Дагестана, я член Президиума Верховного Совета СССР! И я не могу снять номер в гостинице родного города!?

Милиция вежливо старалась унять разбушевавшиеся страсти и урезонить народного поэта. Получился кошмарный скандал общегородского, а затем общедагестанского и даже общесоюзного значения. История имела продолжение.

Через неделю состоялось заседание только что выбранного Верховного Совета Дагестана. Согласно конституции, дагестанское правительство сложило свои полномочия, и Верховный Совет должен был заслушать предложение о новом составе правительства и утвердить его. Список правительства и его глава были тщательно подобраны и одобрены во всех высших инстанциях и Махачкалы, и Москвы. Почетная миссия зачитать список нового правительства выпала на долю самого уважаемого депутата Верховного Совета Дагестана — Расула Гамзатова.

Расул поднялся на трибуну и торжественно стал зачитывать официальную бумагу. Когда Расул дошел до назначения главы правительства Дагестана, вопреки одобренной инстанциями фамилии Расул назвал Цинципера. Председатель собрания осторожно и деликатно поправил Гамзатова:

— Вы оговорились, наверно вы хотите назвать...

— Нет, я назвал того, кого бы хотел видеть главой правительства Дагестана. Я предлагаю товарища Цинципера.

Все депутаты Верховного Совета, хорошо знавшие историю конфликта Гамзатова и директора гостиницы Цинципера, попадали из кресел от хохота. Ни в одном парламенте мира за всю историю парламентаризма не звучал такой гомерический хохот, какой раздавался в зале заседаний высшего органа власти Дагестана.

Через некоторое время Гамзатов как член Президиума Верховного Совета СССР заседал в Москве, и председатель Президиума Ворошилов спросил у Гамзатова:

— А что случилось в Махачкале при утверждении нового состава правительства? Кто такой товарищ Цинципер?

— О! Цинципер — директор гостиницы, но он такой способный работник, что может управлять целым государством. Мы обсуждали его кандидатуру на пост главы правительства, но пока

воздержались назначать. Пусть еще немного подрастет, а мы позже вернемся к этому вопросу.

Расул Гамзатов — это российский гражданин из Дагестана, аварский поэт из Большой литературы, необыкновенный человек из легенды. Добрая ему память.

